

Galon-Kurkova, Krystyna

К вопросу о жанровой природе "Писем русского путешественника" Н.М. Карамзина

In: *Genologické studie. II, K počtě profesora Franka Wollmana.*

Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 1993, pp. [279]-286

ISBN 8021008369

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132324>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ "ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА"
Н. М. КАРАМЗИНА

Krystyna Galon-Kurkowa (Wrocław)

Тезис о громадной роли, сыгранной "Письмами русского путешественника" как в истории русской интеллектуальной жизни, так и в истории русской литературы, звучит как аксиома. Он подтвержден многочисленными доводами, тем не менее весьма обильный и сложный материал произведения продолжает вызывать вопросы общего и детального характера. Исследователи издавна сходятся в том, что карамзинское произведение принадлежит к жанру литературы путешествий в его сентиментальном варианте, учитывающем также познавательную-энциклопедическую ориентацию, свойственную рационалистической эпохе Просвещения.¹ Не вызывает сомнений утверждение о том, что произведение представляет собой не собрание писем, адресованных конкретным лицам, но органическую, литературную конструкцию.² В этой связи особенно важным становится вопрос о факторе, объединяющем этот весьма разнообразный материал. Следует сказать, что и этот вопрос не вызывает принципиальных разногласий. Как в исследованиях, предметом которых является имманентная поэтика,³ так и в анализах, учитывающих наряду с названным аспектом критерии культуры⁴, обобщающий вывод один и тот же; он говорит о доминировании созданной Карамзиным личности путешественника, его субъективного сознания, выраженного в сложившихся в конвенцию формах, особенно - формах письма и дневника. Нельзя не согласиться с этой обобщающей констатацией, но все же при каждом чтении "Писем" обнаруживается в них ряд элементов, так или иначе нарушающих преобладающую конвенцию (напр.: формы литературного и исторического эссе, публицистические фрагменты, в их числе и своеобразные репортажные формы). Так же трудно признать монолитным и неизменным сам облик карамзинского путешественника, близкого к реальному автору, и в то же время показываемого читателю разные, порою противоречащие друг другу профили своего "я". Так, он изображен как русский, "молодой скиф", жаждущий соприкосновения с высокоразвитой культурой Европы, и, с другой стороны, как эрудит - равноправный собеседник самых знаменитых представителей европейской культуры, компетентный, авторитетный информатор, скрупулезность которого порождена духом эпохи Просвещения⁵. Он предстает перед глазами читателя как чувствительный человек, приобретающий по ходу путешествия гуманистический опыт⁶, но и как иронист. Бывает также просто любопытным наблюдателем. Эти и другие, не названные здесь воплощения карамзинского герся-повествователя, появляются в разные моменты его путешествия, составляющего композиционную ось произведения.

Следует отметить и тот факт, что отношение повествователя к самому статусу путешественника отнюдь не однородное. Если обойти молчанием конвенционально-слезливое начало произведения, изображающее отчаяние путешественника, вызванное разлукой с друзьями, то стоит обратить внимание на два фрагмента, представляющие собой веские обобщения. Первое из них, вдохновленное без сомнения "Эмилем" Руссо, является апологией путешес-

твия, его познавательных и морально-этических ценностей, и одновременно - своеобразным апофеозом человека:

"Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неограниченную свободу человека, по которой он подлинно может называться царем земного творенья. Все прочие животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурой, и умирают, где рождаются; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат - ищет везде наслаждений - и находит их - везде бывает любимым гостем природы, повсюду отвергающей для него новые источники удовольствия, везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество."⁸

Вскоре, однако, появляется рефлексия, смысл которой состоит в отклонении крайностей. Автор утверждает, что как неподвижность, так и безудержная страсть к путешествиям, обедняют человека. Молодой русский путешественник становится сторонником "золотой середины": "Счастлив тот, в ком си две склонности равноправны..." (244). В этом состоит основная директива ориентации карамзинского повествователя. Она реализует принцип самого оптимистического, конструктивного варианта странствования, в котором 'дом' и 'мир' представляют хотя и несоизмеримые, но все-таки положительные ценности⁹. Характерными для такой модели являются поиски того, что людей объединяет. Так, и карамзинский путешественник утверждает, что "человек рожден к общежитию и к дружбе" (90). Молодой русский открыватель Европы с большим интересом присматривается к ее общественной, политической и культурной жизни в переломный исторический момент. Результаты этих наблюдений не всегда оптимистичны. Однако при всей разносторонности интересов, характеризующей путешественника, он предстает перед читателем также (а, может быть, прежде всего) как литератор, странствующий в поисках сюжетов, затрагивающих нежную струну человеческого сердца. Отсюда его глубокое сожаление о том, что он не сможет увидеть мест, увековеченных историей, легендами и поэзией:

"Тробица нежной Лауры, прославленной Петранкой! Воклезакая пустыня, жилище страстных любовников! Шумный, тенистый ключ, утолявший их жажду! Я вас не увижу!... Луга прованские, где лимон с розмарином благоухают! Не ступит нога моя на вашу цветущую зелень!... Нимский храм Дианы, огромный амфитеатр, драгоценные остатки древности! Я вас не увижу! - Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтийского! Не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, где сей несчастный сидел в заключении; не загляну в ту ужасную пропасть, в которую он бросился из отчаяния! - Простите, места, любопытные для чувствительного путешественника!" (297)

По тому же принципу встречающиеся реалии вызывают у путешественника желание "дописывать" отвечающие его представлениям сюжеты:

"Молодая крестьянка с посошком была для меня аркадскою пастушкой. Она спешит к своему пастуху, - который ожидает ее под тенью каштанового дерева, там, на правой стороне, близ виноградных садов. Он, чувствует электрическое потрясение в сердце, встает и видит любезную, которая издали грозит ему посошком своим. Как же бежит он навстречу к ней! Пастушка улыбается; идет скорее, скорее - и бросается в отверстие объятия милого своего пастуха. - Потом видел я их (разумеется, мысленно), сидящих друг подле друга в сени каштанового дерева.

Они целовались, как нежные горлицы". (118)

Как показывает вышеприведенный пример, предметом очарования путешественника является самое "нежное" из чувств, т.е. любовь. Характерно, однако, то, что если сформировавшееся согласно литературным образцам воображение повествователя рисует столь живые картины, то реальные контакты с представительницами "прекрасного пола" не вызывают той искры, из которой - говоря на языке эпохи - вспыхивает пламя любви. Об этом свидетельствует встреча путешественника с "молодой нежной, белокурой" (109) саксонкой, путешествующей в сопровождении желчного "горбатого кавалера". Разговору с миловидной Каролиной предпочитает путешественник чтение "Vicar of Wakefield"; иронически заканчивает описание эпизода "оперного знакомства":

"История кончилась", - вы скажете; а может быть, и не т. Что, если я опять где-нибудь встречу с красавицей, в Елисейских полях, в Булонском лесу избавлю ее от разбойников, или вытащу из Сены, или спасу от огня?... Предвижу вашу усмешку. "Роман! Роман!" - говорите вы с кавалером св. Людовика. Боже мой! Как люди стали ныне недоверчивы. Это отнимает охоту путешествовать и рассказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу". (362 - 363)

Так же иронически звучит заключение, относящееся к увлечению датчанина Б* молодой дамой из Ивердона. Вопреки литературным правилам, оно вместо страстной, взаимной любви кончилось просто жестокой простудой чувствительного молодого человека.

Повторим: к этого типа происме твиям карамзинский путешественник относится добродушно-скептически, так как он отдает себе отчет в том, что реальная жизнь не укладывается в рамки литературных, фабульных схем. Пребывание в Бедламе, лондонском сумасшедшем доме, убеждает его в том, что бурные страсти часто приводят к плачевным последствиям. В то же время он проливает обильные слезы "от живой любви к Самой Любви" (197), ибо выше ставит "Dichtung" чем "Wahrheit", так же, как "Confessions de J. J. Rousseau", "Stillings Jugendgeschichte" и "Anton Reiser" (предпочитает) всем систематическим психологиям в свете". (104)

Итак, он с явным пристрастием приводит освященные традицией предания и повести, придавая им определенную литературную форму. Такой рода фрагменты составляют один из существенных элементов - условно говоря - анекдотического пласта "Писем", издавна, в виде т. наз. *histoires galantes*¹⁰, свойственного всяким рассказам о путешествиях. Произведение Карамзина изобилует этого рода вставками; достаточно назвать анекдоты об исторических лицах. В таких случаях автор, как правило, указывает на литературные источники (ср.: с. 301, 358 и др.). В данном случае, однако, нас интересует несколько фрагментов, каждый из которых представляет собой своеобразное фабульное целое. Стоит обратить на них внимание, особенно в свете общего утверждения о "Письмах" как о творческой лаборатории автора "Бедной Лизы".¹¹

С этой точки зрения заслуживают внимания 7 фрагментов, написанных прозой, а также стихотворная новелла "Алина". Каждая из описанных историй связана с конкретным местом, что и обусловлено общей ситуацией путешествия. Все поэсти представляют собой вариации на тему любви. Их структура в конденсированной форме отвечает основным свойствам сентиментальной повести, понимаемой как автономная форма.¹²

Повествовательную ситуацию сигнализирует Карамзин, как правило, сокращенно и нейтрально: "Выслушайте историю" (145); "по старому преданию рассказывается следующая история". (147) Порой он указывает на лицо, рассказавшее путешественнику данное предание: "Трактирщица рассказала нам следующий анекдот" (274); "Англичанин рассказал нам следующее". (433) Историю же, связанную с Тунским озером, традиция сохранила, благодаря "одному гребу, который доплыл до берега и принес весть о погибших несчастных". (206) Только в одном случае, а именно в повести о лорде О*, графическим знаком, 'чужого слова' являются кавычки. Личным отношением путешественника окрашена вербально повествовательная ситуация в истории о Терезе и Фальдони:

"Кто, будучи здесь, не вспомнит еще о других, несчастных любовниках, которые за двадцать лет перед сим умертвили себя в Лионе?" (294)

Структура отдельных повестей не подтверждает принципа дифференциации, реализации которого следовало бы ожидать, принимая всерьез информации о разнообразных источниках историй и их конкретных рассказчиках. Фабульный материал подвержен здесь литературной обработке и подчинен чувствительности путешественника, обобщающей воспринимаемое. Так, в каждой из повестей герои молоды, исключительно прекрасны, исполнены всевозможных достоинств. Добавим, что такой же сентиментальный код применяется и в характеристике реальных лиц, таких, как напр. Диана дю Пуатье или Луиза Ла Валльер.

Таким же образом чувствительности путешественника обязан читатель картинами природы, мрачными, созвучными трагизму происшествий. Широко развитым и выдержанным в сентиментальной конвенции является в этих повестях, также тех, которые рассказывают о легендарном, незамятном прошлом, диалогический пласт. Это лишний раз свидетельствует о литературной обработке материала.

За одним лишь исключением, приведенные Карамзиным истории глубоко трагичны. Трагизм их, впрочем, разнообразно обусловлен. Учитывая этот факт, мы можем подразделить интересующие нас фрагменты на три группы.

В состав первой из них входят: повесть о трагедии на Тунском озере, история Жана и Лизеты и история англичанки Марии В*, сошедшей с ума, скорпостижно умершей и похороненной в волнах океана. Все эти повести рассказывают о людях молодых, влюбленных и уверенных во взаимном чувстве, имеющих все данные, чтобы быть счастливыми, и одновременно - об уничтожении их светлых надежд силами слепого, беспощадного рока. Истории этого типа вызывают "печальные мысли" (207) путешественника, порождают философские рефлексии, относящиеся к смыслу жизни человека и его посмертной судьбе.

Вторую группу составляют повести, которые условно можно определить при помощи формулы "запретная любовь". Здесь следует назвать предание о графе Флейхене, легенду о двух камнях, возвышающихся у замка Вартбург, и лионскую историю о Терезе и Фальдони. В данном случае сама природа конфликта заставляет повествователя занять активную, оценочную позицию. Итак, положительным оказывается его отношение к любовному треугольнику (граф - графиня - молодая арацинка) из эрфуртского предания о Глейхене. Путешественник с умилением осматривает большой камень, под которым были похоронены герои этой истории, и "благословляет память супругов" (140), может быть, потому, что, по его словам: "Небеса благословили сей

тройственный союз, и сам папа утвердил его" (146). В свою очередь судьба молодого монаха и монахини, наказанных за их "земное" взаимное чувство превращением в два камня, не вызывает столь же снисходительных чувств и слов.

Комментируем к этой истории могут, однако, послужить заключения, сформулированные путешественником на основании повести о Терезе и Фальдони. Повествователь изображает в ней производящую сильное впечатление любовь, которая не может быть реализована по воле рока (неизлечимая болезнь героя), но также из-за следующего за ужасным для влюбленных приговором судьбы родительского запрета. Несчастные любовники противопоставляют враждебным силам свою волю: они кончат самоубийством в обстановке и климате мистического брака-жертвы.

Несмотря на свою увлеченность поэтической оболочкой этой истории, повествователь выступает в данном случае как строгий моралист. Поступок Терезы и ее влюбленного он считает "примером одного иступления, помешательства разума, заблуждения, а не примером истинной любви" (295). По мнению путешественника, важно само чувство и сознание того, что "Меня любят!", ибо "истинная любовь может наслаждаться без чувственных наслаждений, даже и тогда, когда предмет ее за отдаленными морями скрывается". Этот вопрос будет поставлен в "Бедной Лизе", где Каранзин категорически утверждает тезис о том, что "исполнение в с е х желаний есть самое опасное искушение любви" (515).

Как путешественника, так и рассказчика "Бедной Лизы" трудно назвать просто наивными. Каждый из них отдает себе отчет в сложности поставленной проблемы. И все-таки каждый из них проповедует идеал любви, названный именем Тристана,¹³ доведенный сентиментальной культурой чувств до апогея.¹⁴

Этому мотиву мы уделили сравнительно много внимания, поскольку в нем отражаются основные противоречия сентиментальной антропологической концепции. Свообразные их иллюстрации представляют приведенные в "Письмах" истории, которые следовало бы заключить в третью тематическую группу. Прежде всего здесь следует назвать стихотворную новеллу "Алиса", начинающуюся с апострофы:

"О дар, достойнейший небес,
Источник радости и слез,
Чувствительность! Сколь ты прекрасна,
Мила - но в действиях несчастна!..."

(416)

Этот конвенциональный "зачин" говорит о ловушках чувственности, а точнее - ставит проблему психологической загадки: мгновенного заожождения чувства, пресыщения, измены реления любящей женщины свою жизнь гинести в жертву счастья и спокойствия любимого. Наряду с этим ставится проблема запоздалого раскаяния виновника.

В ином измерении климат психологической загадки выступает в истории пустынного, связанной с павильоном "Bagatelle", расположенном в Булонском лесу.

Особое место в этой тематической группе, выделенной с помощью психологического критерия, занимает история лорда О*, изображающая "неизъяснимый феномен в нравственном мире" (433). Каранзин посредством своего путешественника обращает внимание на клинический случай врожденной меланхолии, невыносимого чувства "свинцового времени", подобно которому жизнь

"тяготила душу и сердце" героини. Ни богатство, ни любовь не смогли оказаться антиподом этому чувству. Несмотря на подчеркнутую исключительность описываемого случая, писатель сигнализирует здесь явление антропологическое и культурное, сформировавшееся в эпоху кризиса рационалистической мысли и названное именем "болезни века".¹⁵

Данный материал показывает, что в самом деле в историях-анекдотах, содержащихся в "Письмах русского путешественника", заложены многочисленные зачатки идейной проблематики и художественных решений, принятых впоследствии Карамзиным в его новеллистике. Следует подчеркнуть явную переключку известных деталей "Писем" с "Бедной Лизой". Именно в "Письмах" следует искать богатый и сложный генетический контекст этой повести.¹⁶ Этот контекст скрывается в размышлениях путешественника над слабостью и противоречиями человеческого "я". Рассматриваемые путешественником психологические загадки предвосхищают образ Эраста, одного из первых в русской литературе "лирических" или "странных" героев. Не менее значим мотив ремиссии женщины на пути к реализации ее чувства и верности этому чувству.

Как уже было сказано, в приведенных карамзинским путешественником историях наметились основные структурные свойства жанра повести, ставшего в русском сентиментализме самым представительным и оказавшего впоследствии сильное влияние на процесс развития русской художественной прозы.¹⁷ Эти связи сложные и разнообразные. Впрочем, порой трудно точно разграничить воздействие самого Карамзина и воздействие богатой европейской литературной традиции. Принимая, однако, во внимание факт, что именно Карамзин в своих "Письмах" своеобразно переосмыслил и обобщил эту традицию, можно и следует воспринимать его произведение как точку отсчета в процессе развития интересующего нас жанра. Несомненно, "Письмам русского путешественника" обязана русская сентиментальная повесть в стадии своей истории, начинающейся примерно с середины 90-х годов XVIII века, принципом точной географической локализации действия. Этот принцип, логически оправданный в структуре путешествия, самим Карамзиным был образцово реализован в "Бедной Лизе". Сам факт точной пространственной локализации действия не заслуживал бы, впрочем, особого внимания, если бы не то, что композиционную рамку послекарамзинской сентиментальной повести составляет, как правило, странствование повествователя. Оно выступает в нескольких вариантах. Чаще всего это своеобразное паломничество по местам, увековеченным - как в "Бедной Лизе" - "плачевными" судьбами чувствительных героев, но встречаются также мотивы не связанного никакими векторами меланхолического скитания, и - реже всего - делового путешествия. Несмотря на названные разновидности, странствование в данном случае не самоцель, а предлог - более или менее четко вербализованные поиски интересными рассказчиков "трогательных" историй. Таким образом, как в "Письмах", так и автономной сентиментальной повести мир является своего рода "питательной средой" для чувствительности повествователя.

Русская сентиментальная повесть приняла этот принцип и культивировала его сравнительно долго, с более или менее интересными художественными результатами. Достаточно назвать такие произведения, как "Ростовское озеро" (1795) В. В. Измайлова, "Софью" (1796) и "Инну" (1804) Г. П. Каменева, "Дашу, деревенскую девушку" (1803) П. Ю. Львова,

"Злосчастливого" (1807) Н. Мамышева или "Спасскую лужайку" (1812) И. И. Лажечникова. Важно в этих произведениях то, что, несмотря на драматические перипетии самой фабулы, подлинным героем каждого из них является повествователь.¹⁸ Сам же воспринимаемый и описываемый им мир приобретает функцию экспрессии его чувствительного "я"¹⁹.

Дело здесь не в самом подборе материала. Не стоит спорить с сентиментальной системой ценностей и литературной конвенцией, слишком "легко уязвимой"²⁰, в чем отдавали себе отчет сами сентименталисты. В данном случае интересен и важен в историко-литературной перспективе сам восходящий к карамзинским "Письмам" принцип.

Повторим: результаты реализации этого принципа в послекарамзинской русской сентиментальной повести не превзошли своего образца. Существенно то, что они свидетельствуют о процессе выработывания русской художественной прозой форм выражения с о з н а ю щ е г о с е б я " я ". Переломным моментом этого длительного и сложного процесса стал в русской прозе I половины XIX века лермонтовский "Герой нашего времени". Впрочем, связь этого произведения с "Письмами" Карамзина — это отдельный, стоящий комплексного рассмотрения вопрос. В данном случае для нас интересен факт, что между двумя краеугольными камнями литературного процесса, "Письмами русского путешественника" и романом о судьбе Печорина, на втором и дальнейших планах литературного развития продолжалась разработка более или менее оригинальных, но тем не менее принципиальных решений. О с н о в н о й ее механизм в конденсированной, обусловленной рамками доклада форме мы пытались сигнализировать. Из вышесказанного следует, что, помня о воспринимаемых как аксиоматические общих утверждениях на тему жанровых особенностей "Писем русского путешественника", стоит обратить внимание также на детали в масштабе целого, может быть, мало значащие но приобретающие принципиальное значение в историко-литературной перспективе.

Примечания

- 1 Сиповский, В. В.: Н. М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника", Санкт-Петербург 1899, 374-375. Ср.: Благой, Д. Д.: История русской литературы XVIII века, Москва 1960, 537-540; Cross, A.: N. M. Karamzin. A Study of His Literary Career. 1783-1803, London 1971, 65-95.
- 2 Купреянова, Е. Н.: Русская повесть XVIII в., в: История русского романа, т. 1. Ред. Г. М. Фрилендер, Москва 1962, 68-70; Лотман, Ю. М.: Комментарии, в: Карамзин, Н. М.: Сочинения, т. 1, Ленинград 1984, 622-624.
- 3 Лазарчук, Р. М.: Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра, в: XVIII век, сб. 12, Ленинград 1977, 72; Kusiak-Skotnicka, L.: Uwagi o poetyce "Listów podróżnika rosyjskiego" Mikołaja Karamzina, "Slavica Wratislaviensia", XXXIII, 1985, 3-16.
- 4 Купреянова, Е. Н.: Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману, в: История русского романа..., 69-70; Иванов, М. В.: Мир Швейцарии в "Письмах русского путешественника", в: XVIII век, сб. 10, Ленинград 1975, 296-302; Макогоненко, Г. П.: Николай Карамзин — писатель, критик, историк, в: Н. М. Карамзин, Сочинения...,

27-30.

- 5 Орлов, П. А.: "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина как произведение просветительской литературы ХУШ в., "Вестник МГУ". Филология 1977, нр 2, 14-21.
- 6 Ср.: Zaworska, H.: Sztuka podróżowania. Poetyckie mity podróży w twórczości Jarosława Iwaszkiewicza, Juliana Przyboisia i Tadeusza Różewicza, Kraków 1980, 20.
- 7 Kusiak-Skotnicka, T.: Uwagi ..., 4.
- 8 Карамзин, Н. М.: Письма русского путешественника, в: Сочинения, указ. изд., 160-161. В дальнейшем мы ограничимся указанием в тексте, в скобках, страниц.
- 9 Abramowska, J.: Peregrynacja, w: Przestrzeń i literatura. Red. M. Głowiński i A. Okopień-Sławińska, Wrocław 1978, 128-129. Ср.: Kowalczyk, W.: Proza Mikołaja Karamzina. Problemy poetyki, Lublin 1985, 100.
- 10 Ziętarska, J.: Relacje Jana Potockiego z Turcji, Egiptu i Maroka na tle piśmiennictwa podróżniczego doby Oświecenia, "Przegląd Humanistyczny" 1973, n: 1, 58.
- 11 Kusiak-Skotnicka, t.: Uwagi ..., 3.
- 12 Ср.: Русская сентиментальная повесть. Составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии П. А. Орлова, Москва 1979, 5-26.
- 13 Rougemont, de D.: Miłość a świat kultury zachodniej. Przeł. L. Eustachiewicz, Warszawa 1968, 44; Starczewska, K.: Wzory miłości w kulturze Zachodu, Warszawa 1975, 20-37.
- 14 Galon-Kurkowa, K.: Mieszkańcy Krainy Czulości (Z problematyki antropologicznej rosyjskiej prozy sentymentalnej), "Slavica Wratislaviensia", XLI, 1987, 30-42.
- 15 Ср.: Kamionkova, J.: Literatura a obyczaj ("Choroba romantyczna" w pamiątnikach i dokumentach 1 połowy XIX wieku), w: Problemy socjologii literatury. Red. J. Sławiński, Wrocław 1971, 269-296.
- 16 Ср.: Galon-Kurkowa, K.: O kontekście genetycznym "Biednej Lizy" Mikołaja Karamzina, "Slavica Wratislaviensia" (в печати).
- 17 Моисеева, Г. П., Серман, И. З.: Зарождение романа в русской литературе ХУШ века, в: История русского романа..., 45-65.
- 18 Ср.: Kowalczyk, W.: Proza..., 66.
- 19 Galon-Kurkowa, K.: Mieszkańcy ..., 22-23.
- 20 Кочеткова, Н. Д.: Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам, в: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Ред. Б. С. Мейлах, Ленинград 1973, 71.